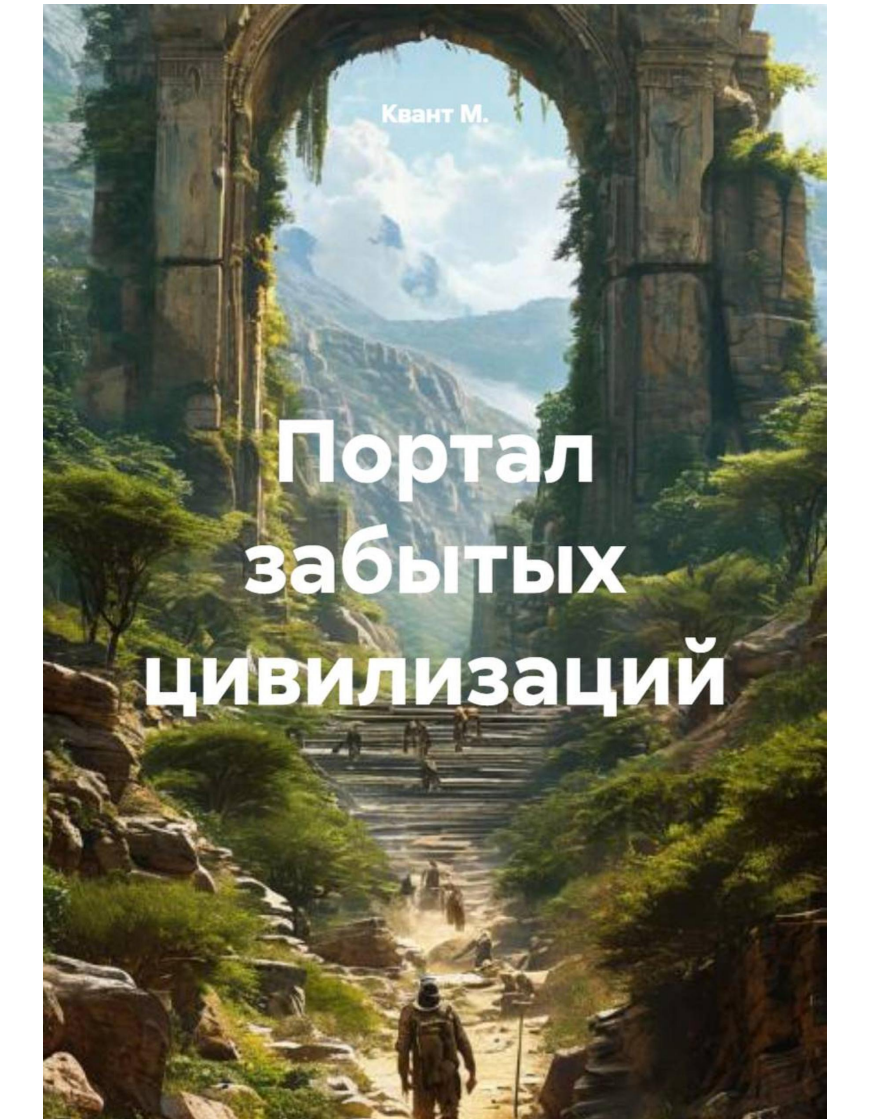

A vibrant, painterly illustration of an ancient stone archway, heavily overgrown with green vines and moss. The archway frames a view of a deep, mountainous valley with steep cliffs and a winding path. In the foreground, a person wearing a backpack and a hat is walking away from the viewer down a dirt path that leads towards the arch. Several other small figures are visible further up the path. The sky is bright blue with soft white clouds. The overall scene suggests a hidden, ancient civilization or a gateway to a new world.

Квант М.

Портал забытых цивилизаций

Квант М.

Портал забытых цивилизаций

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73110848

SelfPub; 2026

Аннотация

Группа археологов обнаруживает древний портал в миры исчезнувших цивилизаций. Каждое путешествие меняет исследователей, наделяя их частью чужого знания и страшной ответственности. Они узнают, что человечество – «саженцы» в космическом Саду, а порталы – часть защитной сети от Пустоты, пожирающей смысл. Чтобы спасти Землю, им предстоит не просто изучить наследие, а эволюционировать, пожертвовать самым дорогим и выйти за пределы Сада для решающей схватки, где ставка – само существование реальности.

Содержание

Глава первая: Камень с шепотом	4
Глава вторая: Эхо в крови	17
Глава третья: Пламя под льдом	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Квант М.

Портал забытых цивилизаций

Глава первая: Камень с шепотом

Ветер, гулявший по безлюдным плато Восточной Анатолии, приносил с собой запах пыли, сухой полыни и чего-то неуловимого, древнего, будто само время здесь испарялось под беспощадным солнцем. Профессор Арсений Вернадский, откинув с лица прядь седеющих волос, прикрыл глаза от бликов на линзе теодолита. Ему было шестьдесят два года, но в эту минуту он чувствовал себя двадцатилетним студентом, впервые попавшим на раскопки – в груди колотилось нелепое, восторженное сердце. Они стояли на пороге. На пороге того, что перечеркнет все учебники, все доктрины, всю известную историю человечества.

– Арсений Михайлович, показания снова зашкаливают. Это... это не может быть просто погрешностью.

Голос ассистента, молодого геофизика Леонида, дрожал не от ветра. Вернадский опустился на одно колено, коснувшись пальцами шероховатой поверхности каменной плиты, выступавшей из раскопа. Она была черной, отполированной

до зеркального блеска тысячелетиями, но не песками – она была такой изначально. Материал не поддавался определению: не базальт, не обсидиан, не металл. Что-то среднее. Теплое на ощупь, несмотря на ночной холод. И на ней – рельеф.

Не просто узор. Гиперкомплексная, фрактальная вязь линий, спиралей и углов, которая при долгом взгляде начинала двигаться, переливаться, уходить вглубь камня. Глаза срывались, мозг отказывался воспринимать это как единое целое. Это был не язык. Это была схема. Карта. Инструкция.

– Магнитометр безумствует, – прошептала Елена, лингвист-дешифровщик, прислонившись к краю палатки. Ее лицо, обычно спокойное и ироничное, было бледным. – Гравитационные аномалии на этом пятачке... Арсений, здесь плотность пространства иная. Как в той теоретической модели Калуцы-Клейна, помнишь?

Вернадский помнил. Он помнил все. Всю свою жизнь он искал не просто артефакты, а разломы в истории. Следы тех, кого официальная наука называла мифами: атлантов, лемурийцев, гипербореев. Его считали блестящим чудаком, гением на грани фолк-истории. Пока три месяца назад спутниковый сканер не выявил здесь, под ничем не примечательным холмом, геометрически идеальную структуру, уходящую на сотни метров вглубь земной коры. Финансирование, с трудом выбитое у частного фонда, команда единомышленников, готовых на авантюру, – и вот они здесь.

Раскоп длился шесть недель. И сегодня, на глубине двенадцати метров, они обнажили вершину... чего? Пирамиды? Монумента? Машины?

– Это портал, – тихо, но четко произнес Леонид. Он не был мистиком, он был инженером. – Посмотрите на энергетический профиль. Вот эта центральная впадина – фокус. Эти линии – проводники. А эти символы по краям... Я почти уверен, это не письменность. Это панель управления.

Над ними, в бархатно-черном небе, рассыпались мириады звезд, таких ярких и близких, будто их можно было зацепить рукой. Была глубокая ночь, но лагерь не спал. Все семеро участников экспедиции стояли вокруг черной плиты, замороженные ее немым гулом. Потому что она гудела. Едва слышно, на грани инфразвука. Вибрация проникала в кости, в зубы, в самое сердце, настраиваясь на его ритм.

– Что будем делать? – спросил самый молодой, археолог-технолог Игорь. В его глазах горел огонь, смесь страха и неудержимой жажды.

Вернадский поднял голову, окинув взглядом своих спутников: Леонида с его приборами, Елену с ее блокнотами, полными безумных гипотез, сурового геолога Петрова, молчаливого биолога Марью, вездесущего оператора-документалиста Степана и осторожного Игоря. Они все были здесь добровольно. Они знали, на что шли.

– Мы активируем, – сказал Вернадский, и его голос прозвучал чужим, твердым, лишенным всех сомнений. – По

всем расчетам, пик космической радиации и геомагнитной активности – через три часа, на рассвете. Это наш шанс. Подготовьте все, что запланировано. Дистанционные зонды, датчики, страховочные тросы. И... личные аптечки.

Последние слова повисли в воздухе тяжелым напоминанием. Риск был неизмерим. Они не знали, с чем имеют дело. Но не попробовать – значило предать самих себя, всю свою жизнь в науке.

Рассвет на плато был явлением космического масштаба. Сперва чернота на востоке стала пронзительно-индиговой, затем вспыхнула багровой полосой, и будто невидимая рука стала медленно отодвигать завесу ночи, обнажая бесплодные, выжженные склоны гор. Холод усилился, предвосхищая рассветный час, но в раскопе, у черной плиты, было тепло.

Команда работала молча, с сосредоточенной эффективностью. Вокруг плиты установили кольцо из массивных генераторов, питаемых компактными ядерными батареями – последнее слово техники, выданное фондом с неясными целями. Датчики опутали плиту, как паутиной, их жужжание сливалось с нарастающим гулом камня. Леонид, бледный, но спокойный, колдовал за портативным пультом, сверяясь с данными о гравитационных волнах и резонансных частотах.

– Энергетический рисунок совпадает с картой звездного

неба, каким оно было... примерно двенадцать с половиной тысяч лет назад, – доложила Елена, не отрываясь от экрана. – Это ключ. Врата должны открываться не в место, а во время. В эпоху, когда цивилизация-строитель была в зените.

– Или на краю гибели, – мрачно буркнул Петров, проверяя крепления страховочных систем.

В центре плиты, в той самой фокусной впадине, Леонид разместил кристалл кварца, выращенный с точностью до атома – резонатор. По его расчетам, он должен был сфокусировать энергию и стабилизировать проход, если таковой возникнет.

– Все готово, – сказал Леонид, и его пальцы замерли над клавишей активации. – Арсений Михайлович?

Вернадский стоял на краю раскопа, глядя, как первые лучи солнца скользнули по горизонту и упали на черный камень. Лизнули его, и он словно вдохнул свет, поглотил его, чтобы отдать обратно мягким, перламутровым сиянием изнутри. Линии на плите заструились, как ртуть. Гул стал осязаемым, воздух затрепетал.

– Всем на позиции. Дистанционный зонд – первый.

Вернадский отошел к контрольному пункту – бронированному контейнеру в двадцати метрах от раскопа. За толстым стеклом экраны показывали картинку с камер. Он кивнул.

Леонид нажал кнопку.

Сперва ничего не произошло. Только гул возрос до болезненной частоты, заставив всех стиснуть зубы. Потом кристалл в центре плиты вспыхнул ослепительно-белым светом. От него по линиям-проводникам побежали сгустки энергии, похожие на молнии, но движущиеся с математической точностью. Воздух над плитой начал мерцать, как над раскаленным асфальтом.

И затем пространство *разорвалось*.

Не со взрывом, а с тихим, ужасающим хрустом, будто ломались позвонки самой реальности. Над плитой повисло... окно. Не дыра, не червоточина. Окно. Через него было видно не недра земли и не иное измерение в фантастических красках. Виден был *город*.

Он парил в воздухе, простираясь до самого горизонта. Башни из вещества, похожего на застывший свет, переплетались мостами-радугами. Купола, сверкающие, как крылья стрекозы, покрывали пространства, утопающие в зелени неземных оттенков. По небу, окрашенному в мягкие тона фиолетового и золота, плавно скользили сигарообразные объекты, не издавая ни звука. И над всем этим царила тишина. Глухая, абсолютная, могильная тишина.

– Связь с зондом, – сдавленно произнес Леонид.

На экране пошла картинка. Зонд, маленький робот на гусеницах, перекатился через порог плиты и оказался *там*. Датчики зашкаливали, передавая информацию о составе ат-

мосферы (пригодном для дыхания, с повышенным содержанием аргона), гравитации (на 15% ниже земной), радиационном фоне (в норме). И о температуре. Минус двести тридцать градусов по Цельсию. Космический холод. Город был мертв. Заморожен во времени и пространстве.

– Они ушли. Или вымерли. Миллионы лет назад, – прошептала Марья, биолог. – Но все так... совершенно. Нет следов разрушения. Просто... остановка.

Вернадский смотрел на замерзшее великолепие, и сердце его сжималось от восторга и тоски. Это была не просто археология. Это была элегия. Песня о цивилизации, достигшей вершин и канувшей в небытие, оставив после себя лишь этот идеальный, ледяной саркофаг.

– Готовимся к высадке, – сказал он, и его голос прозвучал громко в гробовой тишине лагеря. – Полные скафандры с автономной системой жизнеобеспечения на сорок восемь часов. Страховочные тросы с магнитными якорями. Каждому – полный комплект инструментов для отбора проб. Мы идем на два часа. Не больше.

Возражений не было. Страх был, но его затмевала всепоглощающая любознательность. Они были учеными. Это был Святой Грааль.

Облачившись в легкие, но прочные скафандры с зеркальной внешней панелью, они один за другим подошли к черной плите. Портал мерцал, стабильный, как дверной проем. Холод от него веял физически, искажая свет.

– Я первый, – сказал Вернадский и, не дав себе времени на раздумья, шагнул вперед.

Ощущение было подобно прохождению сквозь стену из ледяного желе. Давление на все тело, мгновенная дезориентация, вспышка белого света перед глазами. И затем – тишина. Глухая, оглушающая тишина, которую не нарушал даже звук его собственного дыхания в шлеме. Он стоял на идеально ровной поверхности того же черного материала, что и плита, но теперь она была частью огромной платформы, парящей высоко над замерзшим городом.

Он обернулся. За ним, вися в воздухе без всякой опоры, светился овальный портал, а через него было видно раскоп, палатки, знакомое земное небо. Один за другим через него перешли остальные: Леонид, Елена, Петров, Марья, Игорь. Степан остался на той стороне, чтобы вести съемку и поддерживать связь.

– Связь работает, – донесся в шлемах голос Степана, но искаженный, будто из глубокого колодца. – Вижу вас. Картинка стабильная. Будьте осторожны.

Они стояли группой, осматриваясь. Вид был одновременно величественным и подавляющим. Город простирался во все стороны, поражая как масштабом, так и деталями. Здания не были похожи на земную архитектуру – они скорее вырастали из пространства, как кристаллы, подчиняясь какой-то высшей геометрии. Повсюду виднелись символы, похожие на те, что были на плите, но более сложные, динамич-

ные, будто запечатлевшие само движение мысли.

– Температура падает, – предупредил Леонид. – Датчики показывают минус двести сорок. Скафандры держат, но долго здесь не протянем.

– Два часа, как и договаривались, – напомнил Вернадский. – Петров, Марья – исследуйте платформу, возьмите образцы материала. Леонид, Елена, Игорь – со мной. Спускаемся в город.

Они нашли спуск – не лестницу, а плавно ниспадающий пандус, опоясывавший центральную шпиль. Двигались медленно, осторожно, их шаги не издавали звука в вакууме, царящем вокруг. Холод был настолько сильным, что даже через скафандр чувствовалось его ледяное дыхание. Они прошли мимо замерзших фонтанов, в которых кристаллы льда складывались в невозможные геометрические фигуры, мимо скульптур существ, отдаленно похожих на людей, но с удлинненными пропорциями и тремя парами рук. Лица их были обращены к небу, а выражения – не печальными, а задумчивыми, будто они замерли в момент созерцания величайшей из тайн.

Елена то и дело останавливалась, чтобы сфотографировать символы.

– Это не просто письменность, – ее голос, доносившийся по внутренней связи, звучал взволнованно. – Это... квантовая нотация. Запись фундаментальных законов. Вот здесь,

смотрите – это явное изображение струны, вибрирующей в одиннадцатимерном пространстве. Они не строили города, Арсений. Они *программировали* реальность.

Идея была столь грандиозной, что на мгновение все замолчали. Они не просто ходили по руинам. Они читали учебник богов.

Достигнув уровня города, они оказались на широкой эспланаде. Здесь стояли неподвижные фигуры в легких одеяниях – сами жители. Они были заморожены мгновенно, в разгар своей деятельности: один будто бы тянулся к парящему в воздухе кристаллу, другой склонился над невидимым контролем, третьи шли, слившись в беседе. Их кожа, или то, что ее заменяло, имела перламутровый отлив, глаза, даже под веком льда, казалось, хранили искру сознания.

– Не трогайте их, – тихо сказал Вернадский, но было уже поздно.

Игорь, движимый порывом, протянул руку, чтобы прикоснуться к складке одеяния ближайшей фигуры. В момент контакта его скафандр, все его датчики, а вместе с ними и все приборы в группе, взвыли тревогой. Искаженный визг заполнил эфир.

– Что происходит? – закричал Леонид.

Фигура, к которой прикоснулся Игорь, *шевелинулась*. Не ожила – это было механическое, судорожное подергивание, будто разрядившийся автомат. И из всех замерзших существ

одновременно хлынул поток – не звука, а прямого мысленного импульса. Он обрушился на сознание исследователей, минуя уши, проникая прямо в мозг.

Это была не речь. Это был катаклизм. Воспоминания, чувства, знания, отчаяние, надежда – все смешалось в один оглушительный вихрь. Они увидели вспышки: великолепные города, сияющие под тремя солнцами; путешествия между мирами по коридорам света; озарения, перекраивающие ткань мироздания. И затем – тень. Нечто, ползущее из глубин космоса, не поддающееся пониманию, отрицающее саму жизнь. Панику. Отчаянные попытки спастись, создать убежище, сохранить знание. И последнее, всеобщее, осознанное решение: не бежать, а *остановиться*. Заморозить мгновение, себя, свой мир в надежде, что когда-нибудь, через зоны, придут другие, поймут и, возможно, найдут способ победить то, чего они победить не смогли. Последний импульс был криком, предупреждением и одновременно благословением: **«Берегитесь Пустоты, что пожирает смысл».**

Импульс стих так же внезапно, как и появился. Игорь отшатнулся, упав на колени, его рвало в шлем. Елена схватилась за голову, сдерживая стон. Леонид стоял, вытирашив глаза, а по его щекам катились слезы, которые он даже не осознавал. Вернадский чувствовал, как его разум, его память, сама его личность подверглись бомбардировке чужим опытом. Он *помнил* вещи, которых не мог помнить. Уравне-

ния, выходящие за рамки земной физики. Мелодии забытых гимнов. Вкус нектара с давно умершей звезды.

– Что... что это было? – хрипло спросил Петров, голос которого донесся со платформы.

– Их прощальный крик, – с трудом выговорил Вернадский. – Их послание в бутылке. Мы должны вернуться. Сейчас же.

Они поднялись на платформу, шатаясь, как пьяные. Петров и Марья, не испытывавшие прямого контакта, но видевшие реакцию товарищей, помогали им. Вернулись к portalу. Овальное окно в родной мир все еще светилось, но теперь оно казалось тусклым, незначительным.

– Степан, мы возвращаемся, – сказал Вернадский, и его собственный голос звучал чуждо, обогащенный новыми, чужими интонациями.

Они перешагнули обратно. Давление, свет, и наконец – звук. Шум ветра, треск радиопомех, взволнованный голос Степана. Они были в раскопе. Солнце уже стояло высоко, слепя и грея. Но холод из другого мира все еще жил в их костях.

Сбросив шлемы, они молча смотрели друг на друга. И поняли, что изменились. Все. В глазах Игоря плескался отголосок древнего ужаса. Елена машинально чертила пальцем в пыли символ, которого не знала час назад. Леонид смотрел на свои руки, будто впервые их видел. А Вернадский... Вер-

надский чувствовал в груди тяжесть нечеловеческой тоски, тоски по дому, которого у него никогда не было, по миру, умершему до рождения человечества.

– Мы должны закрыть портал, – тихо сказал Леонид. – Пока не стало поздно.

– Нет, – возразил Вернадский, и в его голосе зазвучала та самая твердость, что была до перехода, но теперь подкрепленная чем-то иным. – Мы не можем. Это не просто артефакт, Леонид. Это... причал. И мы уже отчалили. Мы приняли эстафету. Их знание, их память, их предупреждение – теперь часть нас. Мы должны понять, что это за «Пустота». Мы должны найти другие порталы. Их цивилизация не исчезла. Она спит. И, возможно, мы должны ее разбудить.

Он посмотрел на черную плиту. Портал медленно угасал, но не исчез. Он оставался открытым, тонкой, дрожащей нитью, связывающей два мира. И Вернадский знал, что это только начало. Первая глава в книге, которая перепишет не только прошлое, но и будущее. Они прикоснулись к забытой цивилизации, и она прикоснулась к ним в ответ. Обратного пути не было.

А высоко в небе, скрытое от датчиков и приборов, нечто холодное и безразличное к времени шевельнулось, уловив эхо пробуждения. Путь был открыт. И путешествие только начиналось.

Глава вторая: Эхо в крови

Возвращение было похоже на пробуждение от самого яркого сна, который накрепко прирастает к реальности, стирая границы. Двое суток прошло с момента возвращения из замороженного города, но плато Восточной Анатолии уже не казалось просто точкой на карте. Оно было раной, шлюзом, святыней и проклятием одновременно. Лагерь жил в режиме тревожного ожидания. Черная плита, теперь официально именуемая «Объектом Альфа», продолжала мерцать тусклым, стабильным светом. Портал не закрылся. Он оставался открытой дверью в мир, где время остановилось, и эта дверь теперь была частью их жизни, как второе сердце, бьющееся в такт с неизвестным.

Профессор Вернадский почти не спал. Сидя в своей палатке за грубо сколоченным столом, он перебирал распечатки показаний датчиков, фотографии символов, свои собственные каракули в полевом дневнике. Но больше всего его занимали не они. Его занимали *ощущения*. Вкус медвяной росы с планет, которых нет. Знакомый до боли запах библиотек, сложенных из чистого света. И тень. Глубокую, ледящую тень того, что они называли «Пустотой». Это слово, воспринятое напрямую из коллективного крика замерзшей цивилизации, жгло сознание. Оно было не просто понятием, а чем-то живым, противоестественным, антитезой само-

му бытию.

Дверь в палатку откинулась, выпуская столб холодного предрассветного воздуха. Вошла Елена. Ее лицо, обычно выразительное и живое, было застывшей маской усталости. Под глазами – густые синяки.

– Арсений Михайлович, вам нужно это увидеть, – ее голос был хриплым, будто она долго и безуспешно кричала. – Это... касается Игоря.

Вернадский поднялся, кости болезненно хрустели. Он чувствовал себя не на шестьдесят два, а на все сто. Не физическая усталость выматывала его, а постоянный внутренний диалог с чужими воспоминаниями. Они всплывали обрывками, как песни на забытом языке, который он вдруг начал понимать.

Они вышли. Лагерь был погружен в неестественную тишину. Даже ветер стих, будто затаив дыхание. Возле палатки, отведенной под медпункт, стоял Леонид. Его лицо было пепельно-серым.

– Он не дает осмотреть себя, – без предисловий сказал Леонид. – Заперся. Но я видел... через полог. Арсений Михайлович, у него на руках... узоры.

Вернадский почувствовал, как ледяная струя пробежала по спине. Он резко откинул полог и шагнул внутрь.

Игорь сидел на складной койке, спиной к ним, сгорбившись. Он был без рубашки. И на его спине, от лопаток и ниже, по коже струились, переливаясь слабым перламутровым

светом, сложные линии. Они были точной, живой копией тех символов, что покрывали черную плиту и стены замерзшего города. Они не были нанесены краской или татуировкой. Они будто светились изнутри, из самого подкожного слоя, пульсируя в такт его дыханию.

– Игорь, – тихо позвал Вернадский.

Молодой археолог медленно обернулся. Его глаза были широко открыты, но взгляд был нездешним, устремленным куда-то вдаль, сквозь стены палатки, сквозь время. На его запястьях, шее, груди – тоже проявлялись светящиеся знаки, слабее, чем на спине, но явственные.

– Они говорят со мной, профессор, – прошептал Игорь. Его голос звучал странно: в нем сплетались его собственные интонации и что-то чуждое, многоголосое, древнее. – Не словами. Ощущениями. Страхом. Надеждой. Они... они в меня вселились. Когда я прикоснулся... это был не просто импульс. Это была передача. Архив.

Вернадский опустился рядом на корточки, стараясь сохранить спокойствие.

– Что они говорят? О «Пустоте»?

Игорь зажмурился, будто от боли.

– Это не «что». Это «кто». Или... «оно». Они не могли это осознать до конца. Это как... абсолютный ноль смысла. Оно не уничтожает материю. Оно стирает информацию. За-

коны физики, память, мысль, саму причинно-следственную связь. Оно превращает сложное в простое, осмысленное – в хаос. Они называли это «Аннигилятором паттернов». И оно голодно. Оно приближалось. И они... они не могли сражаться. Можно сражаться с врагом. Но как сражаться с энтропией, обретшей волю?

Он замолчал, судорожно глотая воздух. Светящиеся узоры на его коже вспыхнули ярче, а затем начали медленно гаснуть, растворяясь, будто уходя внутрь. Через минуту от них остались лишь едва заметные серебристые шрамы, похожие на старые ожоги.

– Они не просто заморозили себя, – продолжал Игорь уже более связно, но в его глазах стояла непроходящая мука. – Они создали ловушку. Бутылку. А порталы... порталы не просто ведут в их миры. Они – якоря. Якоря реальности, расставленные по всему космосу, чтобы замедлить распространение Пустоты. Чтобы сохранить шаблоны, паттерны сложности. Наш мир... он тоже часть этой сети. Мы просто не знали.

Леонид, стоявший в дверях, тихо выдохнул:

– Теория палеоконтакта получает совершенно новое, ужасающее обоснование. Мы не потомки пришельцев. Мы... саженцы в саду, который они разбили, чтобы спасти от лесного пожара.

Елена прислонилась к стойке палатки, закрыв лицо рука-

ми.

– А Игорь? Что с ним теперь?

– Теперь я – носитель, – сказал Игорь, и в его голосе прозвучала нечеловеческая твердость. – Биологический интерфейс. Их знание, их карта... она теперь часть моей нервной системы. Я чувствую другие якоря. Они... зовут. Самый сильный зов... он отсюда, с Земли. Не один.

Вернадский встал. В его голове, перегруженной чужими образами, вдруг сложилась мозаика. Осколки воспоминаний не-людей, данные сканеров, палеонтологические аномалии, которые он годами собирал по крупичкам.

– Платформа в городе. Это не просто площадь. Это узел связи. И мы активировали его, войдя туда. Мы не просто получили данные. Мы *зарегистрировались* в сети. Игорь стал точкой доступа. А портал остался открытым, потому что связь установлена. Разорвать ее теперь... возможно, смертельно.

– Для него? – спросила Елена.

– Для всех, – мрачно ответил Леонид. Он уже держал в руках планшет с графиками. – Энергетическое поле объекта Альфа и биополе Игоря синхронизированы. Они резонируют на одной частоте. Если резко разорвать связь... это как отключить мозг от сердца. Последствия непредсказуемы. Может, просто коллапс портала. А может... каскадный отказ

тех самых «якорей», о которых он говорит.

В лагере воцарилась тяжелая тишина, которую нарушил только далекий, механический гул. Все вышли из палатки. На горизонте, поднимая клубы рыжей пыли, приближалась вереница внедорожников. Не их скромные экспедиционные «уазики», а мощные, бронированные машины темного цвета.

– Фонд, – без эмоций произнес Петров, появившийся из-за угла столовой. В руках он небрежно держал увесистый гаечный ключ. – Поняли, что мы что-то нашли. Приехали за отчетом. Или за добычей.

Вернадский почувствовал, как в нем закипает холодная ярость. Эти люди в далеких кабинетах дали деньги не ради науки. Они дали деньги на поиск артефактов, технологий, оружия. И теперь они приехали собирать урожай. Но урожай был не тот, что они ожидали. Он был живым, опасным и слишком большим, чтобы его можно было упаковать в ящик.

Первым из внедорожника вышел человек в идеально сидящем хаки, хотя в этой пыли он выглядел нелепо. Средних лет, с жестким, выбритым лицом и глазами, которые ничего не выражали. Поляков. Представитель фонда, их формальный куратор. Рядом с ним вышли трое других – не ученые и не администраторы. У них была выправка, взгляд и манера держаться, выдававшие в них профессионалов совершенно иного толка.

– Профессор Вернадский, – Поляков приблизился, демон-

стративно не обращая внимания на напряженные лица команды. – Получили наш сигнал? Пора подводить предварительные итоги. Спутниковые снимки показывают... интересную активность в вашем раскопе. Что нашли?

– Археологический объект исключительной важности, – сухо ответил Вернадский, преграждая путь к самому раскопу. – Потребуется месяцы, возможно, годы для первичного изучения. Все в рамках контракта.

– В рамках контракта, – повторил Поляков, и в его глазах мелькнуло что-то хищное. – Контракт предусматривает немедленный отчет о находках, представляющих потенциальный практический интерес. Ваше молчание последние сорок восемь часов нас насторожило. – Он сделал шаг вперед, но Вернадский не отступил. – Отойдите, профессор. Мы сами оценим.

– Объект нестабилен и опасен, – вступила Елена, ее голос дрожал от гнева. – Несанкционированное вмешательство может привести к катастрофе.

Один из людей Полякова, крупный, с квадратной челюстью, мягко, но неотвратно отстранил Вернадского в сторону.

– Мы сами решим, что опасно, а что нет.

Группа направилась к раскопу. Команда Вернадского, словно по незримому сигналу, сомкнула ряды, блокируя подход. Даже Игорь вышел из палатки, бледный, но с решитель-

ным взглядом. Петров сжимал ключ так, что костяшки пальцев побелели.

– Вы не понимаете, с чем имеете дело! – крикнул Леонид. – Это не игрушка!

Поляков обернулся, и на его лице впервые появилось выражение – нетерпение, смешанное с презрением.

– Понимаем прекрасно. Вы нашли нечто, что может изменить правила игры. Играть в нее будете не вы.

Он кивнул своим людям. Те двинулись вперед, на этот раз более решительно. Возникла мелкая потасовка. Степан пытался заслонить камеру, его оттолкнули. Марья вскрикнула, споткнувшись. И в этот момент Игорь, стоявший чуть в стороне, вдруг вскрикнул – не от боли, а от чего-то иного. Он схватился за голову и упал на колени.

И одновременно черная плита в раскопе вспыхнула ослепительным светом.

Гул, который до этого был фоновым, взревел, как пробудившийся зверь. Столб искаженного, дрожащего света ударил из раскопа в небо, окрашивая все вокруг в сизо-лиловые тона. Воздух затрепетал, и по коже всех присутствующих пробежали статические разряды. Люди Полякова отшатнулись, инстинктивно закрывая лица.

Из портала, из того мерцающего окна в ледяной город, хлынула волна. Не энергии в привычном понимании, а волна искаженного пространства-времени. Она была невидимой,

но ее эффект был ужасающе видимым. Трава вокруг раскопа мгновенно поседела, рассыпалась в прах, будто состарившись на сотни лет за секунду. Одна из палаток, стоявшая ближе всего, обвисла, ее ткань истлела и порвалась, металлические стойки покрылись густой рыжей ржавчиной и погнулись. Время здесь текло с дикой, неконтролируемой скоростью.

– Отойди! Все, отойди от края! – заревел Вернадский, оттаскивая за шиворот остолбеневшего Леонида.

Поляков и его люди в панике отступали к своим машинам. Квадратнолицый охранник, оказавшийся на гребне волны, вскрикнул. Он смотрел на свои руки: кожа на них мгновенно покрылась морщинами, стала пергаментной, ногти пожелтели и отслоились. Ему было лет сорок, но за несколько секунд он превратился в дряхлого старика. Он захрипел и рухнул на колени, а затем на бок, беспомощно, как сломанная кукла.

Волна остановилась, достигнув радиус примерно в тридцать метров от раскопа, и начала медленно рассеиваться. Портал продолжал светиться, но уже менее яростно. На земле лежал быстро старевший и вскоре затихший охранник. Его товарищи в ужасе смотрели на это, не решаясь подойти.

Игорь поднялся на ноги. Светящиеся узоры снова проступили на его коже, теперь яркие, как неоновая реклама. Его глаза были полны чужих звезд.

– Он попытался... грубо сканировать портал своими при-

борами, – сказал Игорь тем же многоголосым шепотом. – Система защиты. Хроно-эффект. Они защищали якоря от вандализма. – Он повернулся к Полякову, и тот невольно отпрянул. – Ваши приборы – детские погремушки. Ваши цели – прах. Вы играете со звездным огнем и можете сжечь не только себя, но и этот мир. «Пустота» не дремлет. Она чувствует пробуждение. И она голодна.

Поляков, бледный, но собравший остатки самообладания, вытер пот со лба.

– Что... что это было?

– Первое предупреждение, – ответил Вернадский, подходя. Его страх уступил место холодной, расчетливой решимости. Этот инцидент был катастрофой, но он также был козырем. – Объект Альфа – активная, разумная система. Она реагирует на угрозы. Ваш человек мертв. И если вы попытаетесь применить силу, следующая волна может быть направлена на ваши машины, на ваш вертолет, на вас. Или она может разорвать пространство здесь, создав временную аномалию, из которой не выйдет никто.

Он лгал. Он не знал, на что способна система. Но Поляков не знал этого тем более. И вид быстро состарившегося и умершего человека был более чем убедительным аргументом.

– Что вы предлагаете? – скрипяще спросил Поляков, отводя взгляд от тела своего охранника.

– Мы продолжаем исследования. Под нашим руководством. Вы обеспечиваете нас всем необходимым – продвинутым оборудованием, защитными материалами, полной автономией. Вы получаете отчеты. Но вы не вмешиваетесь. Никто не вмешивается. Потому что следующий неосторожный шаг может запустить необратимый процесс. Вы видели, что значит «необратимый»?

Поляков молчал, его мозг, настроенный на прибыль и контроль, лихорадочно искал выход. Но выхода не было. Он был в ловушке, созданной технологией, превосходящей все его представления.

– Хорошо, – наконец выдохнул он. – Но фонд будет получать данные в реальном времени. Все данные. И если мы решим, что вы скрываете что-то критически важное...

– Решайте, – перебил его Вернадский. – Но помните о цене ошибки. А теперь уберите своего человека и уезжайте. Нам нужно работать.

После ухода машин фонда, увозящих шокированного Полякова и тело охранника, в лагере воцарилась гнетущая тишина. Они победили в этой мелкой стычке, но цена была ужасна. И они понимали, что это только начало. Фонд не отступится. И у них самих не было отступления.

Вечером они собрались в главной палатке. Игорь, узоры на котором снова угасли, казался изможденным, но более собранным.

– Я чувствую их сильнее, – сказал он. – Когда произошел выброс... это как крик. Но не только отсюда. Откликнулось другое место. Близко. Очень близко.

– На Земле? – уточнил Леонид.

Игорь кивнул.

– Координаты... они не в градусах. Они в паттернах. В резонансе с геологическими формациями, с линиями магнитного поля. Но я могу их описать. Это... горы. Очень высокие. Лед. И камень темнее ночи.

Елена, уже работавшая с картой на планшете, подняла голову.

– Есть несколько вероятных мест. Анды. Тибет. Памир. Кавказ.

– Памир, – вдруг уверенно сказал Вернадский. Все посмотрели на него. – В старых тибетских и бонских текстах, которые я изучал, есть упоминания о «Черной горе, пожирающей время», о «Двери, ведущей в страну вечного сна». Легенды слишком схожи. И геология там... аномальная. Фонды всегда фиксировали странные гравитационные всплески в районе пика Исмоила Сомони.

– Значит, нам туда, – сказал Петров просто.

– Не «нам», – поправил Вернадский. – Пока мы не понимаем, что происходит с Игорем и как его состояние связа-

но с порталом, разъединять их опасно. Леонид, Елена, Петров – остаетесь здесь. Степан и Марья – с вами. Вы будете продолжать мониторинг объекта Альфа, пытаться расшифровать данные, которые мы уже получили. И главное – держать фонд на расстоянии, используя этот инцидент как аргумент.

– А вы? – спросила Елена.

– Я и Игорь летим на Памир. Мы должны найти второй якорь. Если я прав, и это сеть, то активация второй точки может дать нам больше контроля, больше понимания. Возможно, даже стабилизирует состояние Игоря. И... – он замолчал, подбирая слова, – возможно, даст нам оружие. Не против людей. Против того, что грозит всем.

– Пустоты, – тихо прошептала Марья.

– Да. Мы теперь не просто исследователи. Мы хранители. Или саперы. И мы должны узнать, какую мину мы обезвреживаем.

Ночь опустилась на плато, холодная и звездная. Вернадский стоял у раскопа, глядя на мерцающий портал. За ним висел замерзший, прекрасный и мертвый мир. Мир, который доверил им свою последнюю надежду. Он чувствовал тяжесть этого доверия. Он был археологом, он копался в прошлом. Теперь прошлое вцепилось в него и требовало будущего.

Он обернулся и посмотрел на лагерь. На своих людей, изменившихся, напуганных, но не сломленных. Они пересту-

пили порог. И обратной дороги не было. Только путь вперед, сквозь другие двери, к другим мирам, навстречу тени, пожирающей смыслы. Путешествие забытых цивилизаций только начиналось, и они были его невольными, но единственными проводниками.

Где-то в высоких, ледяных горах Памира, под толщей скал, ждала вторая дверь. И она, как и первая, возможно, ждала не просто открытия. Она ждала тех, кто сможет понять шепот камней и не сойти с ума от того, что в нем заключено. А над всеми ними, в беззвездной пустоте за пределами вселенной, нечто безглазое и ненасытное повернулось в сторону слабого, но настойчивого сигнала пробуждения. И двинулось навстречу.

Глава третья: Пламя под льдом

Самолет, предоставленный фондом с неохотной скрипучей вежливостью, был скромным, но надежным «кукурузником», модифицированным для высокогорных полетов. Он ревел, разрывая разреженный воздух на высоте, где небо из синего превращалось в чернильную бездну, а снежные вершины Памира внизу казались осколками гигантского хрустала, брошенного на бархат земли. Вернадский, прижавшись лбом к холодному иллюминатору, наблюдал, как далеко внизу проплывают зубчатые гребни, черные скалы, обглоданные ветрами тысячелетий, и ослепительно белые языки ледников. Он искал не просто гору. Он искал аномалию. Настроенность.

Рядом, в тесном кресле, Игорь дремал, или делал вид, что дремлет. Его лицо было осунувшимся, под глазами залегли глубокие тени. Светящиеся узоры на коже больше не проявлялись так ярко, но время от времени, особенно когда самолет пролетал над определенными участками, под веками у него быстрыми змейками пробегали отсветы. Он жил теперь в двух мирах одновременно, и это съедало его изнутри. Врач Марья, остававшаяся на плато, по спутниковой связи давала скудные рекомендации: витамины, успокоительное, отдых. Но как можно отдохнуть, когда в твоей голове звучит эхо мыслей цивилизации, старше человечества?

– Пора, – хрипло произнес пилот, бывший военный летчик с лицом, обветренным, как скала. – Пристегнитесь покрепче. Там внизу, где мы садимся, не аэродром, а чистое поле. И ветер сейчас с перевала дует – будем танцевать.

Самолет нырнул вниз, в колдобину воздушных потоков. Его бросало, как щепку. Вернадский стиснул подлокотники, ощущая, как желудок уходит в пятки. За окном замелькали осыпи, затем пологий склон, усеянный серыми валунами. Шасси с грохотом коснулись неровного грунта, самолет подпрыгнул, проскрежетал, зарываясь в мелкий щебень, и наконец замер, раскачиваясь на пружинящих стойках. Тишина, наступившая после выключения двигателей, была оглушительной.

Они выгрузились в мир абсолютного, кричащего безмолвия. Воздух был таким чистым и разреженным, что резал легкие. Солнце палило нещадно, но в тени тут же сковывал ледяной холод. Перед ними расстилалось высокогорное плато, окруженное со всех сторон острыми, как бритва, пиками. Где-то здесь, в этом царстве камня и льда, должен был скрываться второй якорь.

Их встретили двое: проводник, местный памирский старик по имени Курбан, с лицом, испещренным морщинами глубже горных ущелий, и молодой альпинист-скалолаз, Дмитрий, присланный фондом для «технической поддержки». Дмитрий выглядел типичным «айс-волком» – поджарый, с внимательными глазами, оценивающе смотрел на

неприспособленного профессора и болезненного юношу.

– Добро пожаловать на крышу мира, – сказал Дмитрий без улыбки, пожимая руку Вернадскому. – Маршрут построил по вашим приблизительным координатам. Но должен предупредить: район, куда вы хотите, – нехороший. Местные туда не ходят. Говорят, там «холодный ветер, который выдувает душу». И камни падают сами по себе.

Курбан что-то пробормотал на своем языке, глядя на Игоря с суеверным страхом. Он показывал на небо, на горы, крестился не христианским, а каким-то древним, странным жестом.

– Он говорит, ваш молодой друг уже «отмечен», – перевел Дмитрий, слегка кривя губу. – Духи гор его узнали. И боятся.

– Не духи, – тихо сказал Игорь, впервые за несколько часов открыв глаза. Они были неестественно яркими. – Резонанс. Я чувствую его. Туда. – Он указал на северо-восток, где высилась особенно мрачная гряда черных скал, увенчанная шапкой вечного льда, сиявшего голубоватым светом. – Там не просто холодно. Там... остановлено. Как в том городе, но иначе.

Путь занял два дня. Они шли пешком, груз везли на выносливых, мохнатых яках, предоставленных Курбаном. Старик шел впереди, безошибочно находя тропы, известные лишь горным баранам и таким, как он. С каждым часом пейзаж становился суровее. Исчезла даже скудная горная тра-

ва. Только камень, лед и небо. Воздух становился тоньше, дыхание срывалось на свист. Вернадский, несмотря на возраст и усталость, чувствовал странный прилив сил. Адреналин? Или что-то иное? Он ловил себя на том, что смотрит на окружающие скалы не как геолог, а как... дешифровщик. Их слои, разломы, нагромождения – они складывались в едва уловимые паттерны, похожие на фракталы с черной плиты.

На вторую ночь они разбили лагерь у подножия черной гряды. Огонь костра, разведенный с трудом из сухого помета яков, был крошечным островком тепла и жизни в океане безразличного холода. Курбан отказался идти дальше. Он сидел, укутавшись в одеяло, и монотонно напевал какую-то древнюю песню, глядя в пламя пустыми глазами.

– Завтра, – сказал Дмитрий, изучая карту на планшете с усиленным спутниковым сигналом. – Подъем по ледопадку, затем траверс по этому гребню. По моим расчетам, эпицентр ваших «аномалий» должен быть за ним, в цирке. Но предупреждаю: ледник там странный. Очень плотный. И... тихий. Ни трещин, ни привычного скрипа. Мертвый.

Ночью Вернадский проснулся от странного ощущения. Не от холода и не от нехватки воздуха. Ему показалось, что земля под ним тихо гудит. Низко, на грани слышимости. Как гигантская машина, работающая на холостом ходу. Он выглянул из палатки. Игорь стоял снаружи, спиной к лагерю, глядя на черную гряду, купающуюся в свете невероятно ярких звезд. Он был без куртки, но, казалось, не замечал хо-

лода. Его силуэт светился. Нет, не светился – он слегка искажал свет, проходящий сквозь него, будто вокруг него дрожало марево.

– Игорь?

Тот обернулся. Его лицо в звездном свете казалось высе-
ченным из того же темного камня, что и горы. Глаза были
двумя бездонными колодцами.

– Они здесь спят глубже, – сказал Игорь, и его голос был
шепотом, но Вернадский услышал его четко, несмотря на
расстояние и ветер. – Не на поверхности. Внутри. Они не бе-
жали. Они... спустились. Чтобы переждать. Но что-то пошло
не так. Сон стал слишком глубоким. Почти смертью.

– Что «пошло не так»? – тихо спросил Вернадский, под-
ходя ближе.

– Я не знаю. Их память... она обрывается. Как будто
последние записи стерты. Не временем. Целенаправленно.
Кем-то. Или чем-то. – Игорь схватился за голову. – Здесь ти-
хо. Слишком тихо. В том городе был крик. Здесь... только
храп. И страх в этом храпе.

Утром они начали подъем. Курбан остался охранять ла-
герь. Дмитрий, привязав Игоря и Вернадского к одной ве-
ревке, повел их вверх по крутому ледовому склону. Лед, как
и предупреждал Дмитрий, был странным. Не бело-голубым,
а почти черным в глубине, невероятно плотным и цельным.

Ледорубы вонзались в него с сухим, стеклянным звуком, а не с привычным хрустом. Не было ни одной трещины, ни одной серака – обычных спутников ледников. Он был как монолитная глыба, застывшая раз и навсегда.

Чем выше они поднимались, тем сильнее становилось то самое ощущение «настроенности». Воздух вибрировал. Не физически, а как-то иначе, на уровне восприятия. Звуки – скрежет кошек, тяжелое дыхание – казались приглушенными, как под водой. Давление на барабанные перепонки нарастало, хотя высота уже не менялась так drastically.

Наконец они преодолели гребень и замерли, заглядывая вниз.

Цирк – чашеобразная долина, окруженная со всех сторон отвесными стенами черных скал, – лежала перед ними. Но это была не обычная ледниковая чаша. Ее дно не было покрыто льдом или снегом. Оно было плоским, темным и идеально круглым, будто вырезанным гигантским сверлом. И посреди этого круга, в самом центре, из земли росли кристаллы.

Не ледяные. Какие-то другие. Они были прозрачными, но внутри них плескался, переливаясь, огонь. Настоящий, живой огонь, горящий без топлива, без кислорода, веками, тысячелетиями. Он был заперт в кристаллических гробах, и от этого зрелища – пламени, застывшего в вечном мгновении, – перехватывало дыхание. Кристаллы располагались не хаотично. Они образовывали сложную геометрическую фи-

гуру, напоминающую цветок или снежинку, чья симметрия была настолько совершенной, что от нее начинало рябить в глазах.

– Боже правый... – выдохнул Дмитрий, забыв на мгновение о своей циничной сдержанности. – Что это?

– Хранилище, – ответил Игорь. Его голос звучал четко и громко в гробовой тишине цирка. – Не убежище. Хранилище. Они спрятали не себя. Они спрятали... суть. Импульс. Начало. То, что «Пустота» хочет уничтожить в первую очередь.

– Что за суть? – спросил Вернадский, спускаясь по крутому склону к краю круглой платформы.

– Искру творения. Хаос, рождающий порядок. Пламя подлинной сложности, – Игорь говорил, как заученную мантру, словами, которые не были его собственными. – В том городе они сохранили память, знание, форму. Здесь они сохранили... потенциал. Возможность начать снова. Если форма будет уничтожена.

Они подошли к краю платформы. Материал был тот же, что и в Анатолии – черный, теплый, инопланетный. Символы на нем были иными – не статичными линиями, а словно бы запечатленными вихрями, спиралями пламени, всполохами энергии. Игорь, не раздумывая, шагнул на платформу.

Ничего не произошло. Ни гула, ни свечения. Он прошел несколько шагов к ближайшему кристаллу и остановился, заглядывая внутрь, в пойманное пламя. Его лицо озарилось

dancing отблесками.

– Здесь нужен не контакт, – сказал он. – Здесь нужен... диалог. Они спят. Их надо разбудить. Но не грубо. – Он обернулся к Вернадскому. – Профессор, помните миф о Прометее?

– Прометей украл огонь у богов и отдал его людям, – автоматически ответил Вернадский.

– Здесь огонь не украден. Он... доверен на хранение. Ключ... – Игорь замер, его глаза потеряли фокус. – Ключ в намерении. В цели. Система сканирует того, кто входит. Определяет, достоин ли он принять искру. Или он ее погубит.

В этот момент Дмитрий, который все это время стоял на краю платформы, снимая все на камеру, неосторожно сделал шаг вперед, чтобы сменить ракурс. Его нога ступила на черную поверхность.

И мгновенно платформа ответила.

Не гулом, а пронзительным, высоким звуком, похожим на звон хрустального колокола. Кристаллы вспыхнули ослепительно. Из центра «цветка», из точки, где сходились все линии, вырвался тонкий луч белого света. Он не ударил в Дмитрия. Он прошел сквозь него. Альпинист замер с широко открытыми глазами, рот его был раскрыт в беззвучном крике. Луч как будто сканировал его, выворачивая наизнанку. Вернадский увидел, как на мгновение сквозь тело Дмитрия стали видны кости, органы, а затем – что-то иное:

нервные импульсы, вспышки мыслей, сгустки воспоминаний, страхов, желаний. Все это было вытащено наружу и выставлено на всеобщее обозрение невидимым судом.

Луч погас. Дмитрий рухнул на колени, тяжело дыша. Он был жив. Но его лицо исказил ужас, какой бывает только у детей, увидевших самую суть кошмара.

– Оно... оно видело... все, – прошептал он. – Все, что я когда-либо делал, думал... хотел скрыть... Нельзя сюда. Нельзя. Оно судит.

– Оно защищает, – поправил Игорь, не сводя глаз с центра. – Оно определило, что ты не несешь угрозы хранилищу. Ты просто любопытен и немного алчен. Но ты не злонамерен. Поэтому ты жив.

– А если бы был? – с трудом выговорил Дмитрий.

Игорь молча указал на край платформы. Там, где луч света на миг коснулся камня вне черной поверхности, осталась метка. Не обугленная, а... упрощенная. Камень превратился в идеально ровную, гладкую, лишенную всяких особенностей серую плиту. Как будто из него вывели всю сложность, все случайные включения, всю историю его формирования, оставив лишь базовую, бессмысленную материю. Это и была работа «Пустоты» в миниатюре. Стирание паттерна.

– Критический уровень сложности не достигнут, – сказал Игорь. – Но предупреждение налицо.

– Значит, мне можно? – спросил Вернадский, глядя на

Игоря.

– Вы... другая история. Вы не носитель, как я. Но вы... принявший. Вы впустили их память в себя. Добровольно. Это имеет вес. Попробуйте.

Вернадский глубоко вдохнул и шагнул на платформу. Никакого луча. Только легкое, едва уловимое покалывание по коже, будто его окунули в шипучую воду. Он прошел к Игорю, к центру. Кристаллы вокруг мягко светились, их внутреннее пламя будто потянулось к нему.

– Что теперь? – спросил он.

– Теперь задайте вопрос. Самый главный. Тот, ради которого вы здесь. Но не словами. Мыслью. Намерением.

Вернадский закрыл глаза. Шум ветра, собственное дыхание, биение сердца – все это отступило. Он сосредоточился. Он спросил не о технологии, не о звездных картах, не о могуществе. Он спросил о самом простом и самом сложном: «Зачем? Зачем вы все это сделали? Зачем оставили нам, таким примитивным, таким слабым, эту ношу?»

Тишина. А затем платформа под его ногами ожила. Она не гудела. Она... запела. Тихо, на краю восприятия. И образы хлынули в его сознание, но не как лавина, как было в замерзшем городе, а как тихий, мудрый рассказ.

Он увидел их не в момент гибели, а в момент расцвета. Цивилизацию, которая давно победила нужду, болезнь, смерть в привычном понимании. Они не были богами. Они были исследователями, художниками реальности. Они стро-

или миры не из тщеславия, а из любви к сложности, к красоте возникающих паттернов. Они нашли способ путешествовать по Вселенной, опираясь не на двигатели, а на саму ткань пространства-времени. И в своих путешествиях они наткнулись на «Пустоту».

Это была не инопланетная раса. Это был феномен. Побочный эффект самой реальности, раковая опухоль бытия, возникающая там, где сложность по каким-то причинам коллапсирует в сингулярность небытия. Она пожирала не материю, а связи, информацию, смысл. И она росла. Как черная дыра, но в сфере смыслов.

Они пытались бороться. Создавали барьеры, пытались «перепрограммировать» саму Пустоту. Но она была иммунна к любым известным им методам. Ее можно было только сдерживать, локализовать, замедлить. Сеть якорей – их величайшее творение. Это были не просто убежища. Это были стабилизаторы реальности, маяки сложности, которые, как кристаллическая решетка, укрепляли ткань мироздания, не давая Пустоте разорвать ее. Земля, со своей бурной, молодой, кипящей жизнью, была идеальным узлом для такого якоря. Они выбрали ее не случайно. Они посеяли здесь потенциал. Не конкретную цивилизацию, а саму возможность ее взрывного, непредсказуемого развития. Человечество было не их детьми. Оно было диким, прекрасным цветком, посаженным в саду, чтобы своим буйным, хаотичным ростом укреплять стену против тьмы.

И последнее послание, переданное Вернадскому, было не предупреждением, а... доверием. «Мы – садовники, уходящие навсегда. Сад остаётся. Он будет расти сам. Он может вырасти сорняками, а может – новым лесом, сильнее прежнего. Мы оставляем вам инструменты. Ключи. Искру, из которой можно разжечь новое пламя, если старое погаснет. Берегите сложность. Творите. Ищите. Боритесь с упрощением, с уравниловкой небытия. Вы – наши последняя, отчаянная надежда. Ибо мы устали».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.